

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

АНАСТАСИЯ БЬЁРН

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

РИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б96

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Дивные новые миры» основана в 2016 году

Художественное оформление — *Виктория Лебедева*

Внутреннее оформление — *Олег Лёвкин*

Бьёрн, Анастасия.

Б96 Рин : [фантастический роман] / Анастасия Бьёрн. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Дивные новые миры).

ISBN 978-5-17-101000-3

В Мире После нет слабых людей. Кто слаб телом — умрёт первым, кто слаб духом — будет поражён скверной. Это мир после Великого Разрушения; это мир, где для того, чтобы сохранить свою жизнь, нужно суметь закрыть глаза на чужую смерть. Это Мир После Апокалипсиса.

Меня зовут Рин. И я не планирую умирать — не в ближайшее время. Так что советую не вставать на моём пути: ведь никогда не знаешь точно, кем может оказаться та, что смогла выжить За Стенами...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101000-3

© А. Бьёрн, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

ВВОДНАЯ

Мир После... Таким он стал после того, что в прошлом бы назвали Третьей мировой войной. Но что там на самом деле произошло — никто не знает; возможно, знают в Городах — но я там давно не была...

Моё место здесь, за стенами. Там, где нет контроля, там, где всё ещё растут деревья, где текут реки, где обитают животные. Есть еда и вода. За стенами я не одна. Здесь есть деревни. Но это скорее общины людей, объединённых желанием выжить. В деревни, как и в Города, попасть можно — но это требует платы. Чаще всего люди, бегущие за укрепленные стены, не имеют за пазухой ничего. Чаще всего такие погибают, так и не попав внутрь.

Я не из таких. Мне всегда есть что предложить. И у меня всегда есть причина уйти вновь — потому меня охотно пускают внутрь.

Пускают.

Но не любят.

В Мире После вообще не любят одиночек. Потому что люди, которые могут выжить в одиночку — опасны.

* * *

Один.

Я беззвучно разминаю плечо и снова целуюсь. Лес полон звуков — они скрывают моё присутствие, равно как и раскидистый куст с ещё зелёными листьями...

Второй.

Звук отпугнул третьего. Некогда ждать. Бросок!

Третий.

Я выпрямилась, покинув своё укрытие, потянулась, размяв затекшие руки и ноги, и подошла к трём тушкам зайцев. Они годны на продажу: шкура осталась почти цела — я всегда мечусь в те зоны, где пойдёт разрез. К тому же заячье мясо в этом году, считай, деликатес — из-за волков в округе их осталось совсем мало. Мне повезло, что эти трое передвигались вместе.

Сама я к мясу равнодушна, но в деревнях его можно обменять на хлеб, а к нему я имею ужасающую даже меня самую слабость. Ничто не может быть лучше свежей хрустящей булки только из печи... Ну вот — стоило подумать, как живот отозвался заунывной арией...

Странно, что я всё ещё использую эти слова. Странно, что я вообще всё ещё помню, что такое ария и в каком случае можно употреблять эпитет «заунывная». Особенно — в отношении голодного желудка.

Мир разрушился больше пятнадцати лет назад. Мне тогда было двенадцать... Но я не научилась разговаривать сложноподчинёнными предложениями и не стала профессиональной охотницей, скрывшись в лесу и путём долгих изнурительных тренировок получив боевые навыки. Со мной всё было намного сложнее... Впрочем, сейчас не время для воспоминаний.

Я выткнула из мёртвых тушек метательные кинжалы, приобретённые мной в одной из деревень около пяти лет назад, подняла свою добычу и прибавила ходу — из леса путь не близкий, а сегодня ночью не у себя: мои запасы еды не требуют пополнений, но моя одежда...

И хлеб. В деревне я смогу купить хлеб.

Но вначале — одежда. Помимо этого, приближаются холода, и мне нужно подумать о том, где я проведу зимние месяцы.

Собственно, это и есть главная причина, по которой я иду именно в ту деревню, — там у меня есть связи и место

бесплатного ночлега. Может, останусь в ней... Да, скорее всего так и будет.

Я прибавила хода и перешла на лёгкий бег. Тридцать минут — и буду на месте. Плата за вход — одна тушка; новые кожаные штаны с меховой безрукавкой — ещё одна тушка; пять булок свежего, хрустящего солёного хлеба — ещё одна тушка.

Да, хлеб сейчас — на вес золота. Потому что поля практически не охраняют, и люди сеют пшеницу и рожь на свой страх и риск. Охрана такой большой территории требует таких же больших денег на наёмников, а люди в деревнях чаще всего сами кое-как сводят концы с концами. К слову... Это идея — подработать зимой наёмницей. Но для этого мою третью тушку нужно будет потратить на меч, а это значит, что на хлеб мне не хватит...

Пистолетами перестали пользоваться сразу, как только осознали их бесполезность. Теперь в ходу нечто наподобие мечей; и я говорю «нечто наподобие», потому что профессиональных кузнецов и в нормальном мире было днём с огнём не сыскать, а в Мире После выжили далеко не все... Огромной редкостью являлись настоящие мечи, вывезенные мародёрами из уцелевших музеев или из домов коллекционеров, умерших во время Великого Разрушения — из-за последствий прозванного Апокалипсисом наших Дней. Много лет назад в одном из уцелевших Городов я слышала, как учёные называли те события АНД. Но в деревнях чаще говорят: «Великое Разрушение», более того, не произносят эти слова всуе, а если где слышат — начинают неистово молиться. Но молитвы, равно как и кресты или святая вода — не спасут от той напасти, что завелась в Мире После. Это, скорее, сдерживающий фактор для самих людей. Но я никогда не скажу этих слов вслух...

Я поправила свои кожаные гловелетты на руках и спустилась с холма; деревня «Десять» была расположена на

равнине и имела самую большую территорию вспаханной земли. Номера поселений, возникших в Мире После, так и закрепились в названиях, хотя теперь мало кто мог утверждать с точностью, является ли деревня десятой, или же она теперь девятая. Если не восьмая. Только я и такие, как я, могут сказать, что это так, но, по понятным причинам, мы молчим. Не стоит лишать людей надежды, когда им в принципе надеяться не на что. Нет, нормальная жизнь возможна только в городах, но там, если ты не работаешь и не приносишь пользу — ты не ешь. Да, в этом тотальное отличие деревень от городов: здесь у людей была возможность есть. В городах у людей была возможность выжить.

Вот такая дилемма.

И каждый выбирает себе путь по сердцу. Хотя, назвать «жизнью» существование от кормёжки до кормёжки или от прихода темноты до её ухода... Нет, это можно назвать только одним словом — Выживание. Но не жизнь.

Я остановилась у высоких, в четыре человеческих роста, ворот и постучалась в закрытый проход.

— Кто? — глухо спросил голос за дверью.

— Рин. Охотница. Я с добычей, — коротко и громко ответила я.

Моя легенда для всех деревень — чтобы не возникало вопросов, что я делаю ЗА стенами. А где я живу... что ж, для каждого из поселений был свой ответ.

— Я тебя не знаю, — донеслось из-за двери.

Я закатила глаза и сделала шаг в бок, а затем присела на корточки — и встретилась глазами с охранником врат. Об этом «окошке» знали только те, что уже бывали в Десятке. И то не все, а те, что были близкими родственниками стражников деревни. Или не совсем родственниками...

— Теперь знаешь. Открывай, — сухо сказала я, глядя в удивлённые глаза молодого паренька.

Новенький. Недолго протянет.

Звук отворяющегося запора, и я наконец смогла войти внутрь.

— Бывали здесь? — резко перешёл на «вы» совсем молодой охранник, рассматривающий меня как седьмое чудо света.

Он был так худ, что я с сомнением подумала о коэффициенте пользы от его «умений», впрочем, в Мире После почти не осталось толстых людей...

— Где остальные? — спросила негромко, проигнорировав его глупый вопрос.

— Ушли поля охранять, сейчас же сбор картошки, — охотно поделился довольно секретными сведениями парнишка.

— Ты ворота запри, — посоветовала ему, молча вручила плату за вход и без лишних слов пошла вперёд.

Сам малец вряд ли сейчас догадался бы спросить, но я не знала, надолго ли здесь задержусь, потому сочла целесообразным не портить отношения с местным управлением.

Деревня «Десять». Ряды невысоких деревянных домов, где-то потемневших и покосившихся, где-то — ново отстроенных, светлых, с окнами и льняными занавесками; шесть улиц, разделенных на торговые и спальные почти поровну; вытопанная до идеальной ровности земля под ногами — чёрная, без всякой растительности, и внушительное вспаханное поле в километре от стен, с другой стороны. Здесь жизнь была ключом, здесь было почти так, как в Городе... с одним-единственным исключением: люди здесь были закалены духом, потому что они знали — жизнь быстротечна, а смерть может прийти в любой момент, с любой из сторон...

Я решила не откладывать в долгий ящик приобретение новых вещей, к тому же — вечер приближался. А с вечером приходила тьма, так что времени у меня было немного.

Я завернула на торговую улицу, полную палаток из выцветших тентовых полотен, и, пройдя несколько рядов, остановилась у самой ветхой и неприглядной: вещи здесь были самые старые, где-то — дырявые, где-то — поеденные молью, вот только... тот, кто знает, никогда не пройдёт мимо. Не зря эта палатка была самой большой в длину, а её хозяин был самым хитрым сукиным сыном во всём Мире После.

— Бажен, — я склонила голову в приветствии.

Ещё одна напасть современных деревень — все здесь носят христианские имена. И даже те, кому уже чертова туча лет, и кто родился задолго до Великого Разрушения и появления Мира После... называют себя вторым именем, взятым из списка богоугодных. Они переименовали себя сами. Они вынуждены были подстроиться. В деревнях вообще проблема с фанатиками... но для нашего времени это, наверное, нормально. Я не берусь судить.

— Рин, — растянул губы хитрый старикан.

Бажен был одним из счастливых обладателей всех тридцати двух зубов. В семьдесят лет сохранить полную эмаль челюсть... впрочем, это не единственное, чем он отличался от большинства своих односельчан.

— Пойдём внутрь, — он кивнул в глубь палатки, и я молча последовала за ним.

Высокий, худой, седоголовый, в добротной неброской одежде, он производил впечатление честного продавца — коим не являлся. Бажен был одним из немногих, кто знал: грешить можно, если ты не совершаешь ошибок и не переступаешь грань. Если бы хоть кто-нибудь из десятников, как называли себя жители деревеньки «Десять», узнал, что у дедушки Бажена есть свой чёрный рынок, его бы распяли. Или отрубили бы ему голову. Я немного подзабыла — чем в таком случае развлекаются в Десятке?

За моей спиной рослый детина задвинул занавеску, скрывая нас от остальных покупателей.

— Заяц? — Бажен развернулся ко мне, подняв бровь. Я расстегнула свою холщовую сумку и вытащила оттуда несколько змеиных шкур.

— Другое дело, — старикан растянул на губах улыбку и принялся рассматривать узор на моей «плате», а я прошла в дальний угол и вытащила из-под прилавка, заваленного старьем, небольшой плетёный короб.

Внутри оказались подходящие мне штаны... черной расцветки.

— А темно-зелёного цвета нет? — без эмоций спросила я.

Чёрный — не самый лучший цвет для леса.

— А бархатного болеро тебе не достать? — язвительно отозвался Бажен, оторвавшись от своих шкур. — Где тебе возьму темно-зелёные?

— Проехали, — я отвернулась и продолжила рыться в коробе.

А вот меховушка моего размера нашлась только в светло-сером цвете.

— Да ты издеваешься, — пробормотала я, равнодушно разглядывая совсем новую вещицу.

— Рин, Рин... хоть бы раз попросила кружевное бельё или там чулки с подвязками... — Бажен картинно покачал головой, сетуя на отсутствие у меня женских слабостей.

— Что за грешные мысли, старик? Хочешь получить скверну на свою седую голову? — апатично отозвалась я, тут же начиная снимать с себя старую одежду.

— Не произноси этого вслух, — неожиданно серьёзно сказал Бажен. — Даже здесь.

— А что случилось? — Я слегка подняла брови в подобии удивления. — Неужели и ты стал праведником?

Штаны сели идеально — пара дней, и кожа растянется так, что перестанет ощущаться на теле, а вот с меховым жилетом возникала проблема: такой цвет будет тем более заметен среди зелени. Вся моя маскировочная дея-

тельность сходила на нет с подобным приобретением. Правда, я не могла не признать — одежда была хорошей, а в сочетании с моими тёмными волосами и серыми глазами чёрная кожа и мех подобной расцветки, должно быть, смотрелись неплохо...

Но я не для красоты одевалась.

— Бажен, я не возьму это... — начала было я, как замолчала — увидев выражение лица старика. — Что с тобой? — Я склонила голову набок. — Я ранила твои чувства? Давно ли ты стал таким верующим? — равнодушно спросила у него.

— Дело не в моей вере, — ответил старик, глядя на меня сквозь прищуренные глаза, — дело в новом пастыре Десятки.

— Что опять? — предчувствуя неладное, спокойно спросила я.

— Он сжёг двоих на прошлой неделе за тёмные пятна на запястьях. И ещё одного — на позапрошлой, когда только пришёл к должности. За то, что тот мужчина с желанием посмотрел на замужнюю.

— Вот... скверна, — без эмоций выругалась я, останавливая процесс своего раздевания.

— Он даже не стал ждать её появления, — кивнул Бажен. — Просто предотвратил этот процесс. Заранее.

— Плохи ваши дела, — протянула я, натягивая обратно меховую жилетку.

Найти более подходящий товар в такой ситуации стало почти невозможно...

Вот так, из-за одного только человека могли пострадать десятки. Когда подобные фанатики добиваются до своих должностей, жить простым людям становится невероятно сложно: одно неверное движение, даже одна неверная мысль — и тебя могут спалить на костре, распять или обезглавить. Ни один из фанатиков не допустит появления скверны на теле своей паствы. Самое странное,

что чаще всего они сами заканчивают свою жизнь, будучи пораженными этой заразой.

— Ты сам как? — спросила, не глядя на торговца.

Бажен торговал всяким старьём — для простых людей. А для знающих — шил на заказ дорогие одежды: такие, в каких человек смог бы выдать себя за другую личность, придя в следующую деревню или даже в Город. Подобный род деятельности был запрещён, а мастерская Бажена считалась одной из главных точек сбыта нелегального товара. Я понятия не имела, что он собирается делать с шкурами змей и кто вообще будет это носить в Мире После, но знала — если Бажен требует подобную плату, значит, на это есть спрос.

— Ты собираешься остаться здесь на зиму? — спросил старик, спрятав мою добычу в тайнике, расположенном под незаметным люком прямо в земле.

— Думала над этим, — равнодушно отозвалась я, размышляя, стоит ли тратить последнюю тушку на хлеб, или приобретение меча всё же будет более целесообразным.

— Не советую тебе делать это, — неожиданно резко произнёс Бажен, — если дорога жизнь, беги отсюда.

— Объяснись, — чуть холоднее, чем обычно, предложила я, незаметно положив руку на перевязь с кинжалами.

— Люди здесь совсем потеряли голову от страха. Но не от страха перед грехом, а от страха перед пастором, — спокойно ответил Бажен, сложив руки на груди, — ты не сможешь не засветиться. Хоть ты и делаешь вид, что равнодушна и вообще забыла, как пользоваться эмоциями, я знаю — это не так.

Он вновь, сам того не замечая, перепрыгнул с деревенского «пастырь» на городское «пастор» — что выдавало его волнение.

— Мне безразлично, что здесь творится, — так же спокойно ответила я. — Люди могут придумать кучу способов умереть даже тогда, когда единственное, что от них

требуется, — это объединиться против того, что обитает за стенами.

— Об этом я и говорю. Ты пришла из-за стен. Ты не утруждаешь себя созданием правдивой легенды, да что говорить? Даже я сам понятия не имею, как ты там выживаешь... — во взгляде Бажена появилось нечто странное, что раньше, в том, другом мире, я могла бы принять за искру заботы. — Но именно поэтому здесь и сейчас ты — цель для пастора. Берегись его. Стоит ему узнать о тебе, а он о тебе обязательно узнает — отчёт охранников стен всегда приходит вовремя, — как он будет в курсе того, кто пришёл в нашу Богом забытую деревушку.

— Ну, судя по энергичности вашего пастора, Богом она совсем не забыта, — заметила я, убирая руку от кинжалов.

— Помни, что я тебе сказал: люди боятся его, — зачем-то повторил Бажен.

— Значит, скоро они все будут заражены скверной, — безразлично бросила я через плечо и вышла из его палатки.

У нас было не принято прощаться; я махнула рукой охранникам — чтоб те запомнили меня в случае, если появится необходимость передать мне что-то от их хозяина, и пошла вперёд, к палаткам с едой.

Выбор. Здесь была возможность для выбора.

Не люблю его до дрожи в руках: в Мире После наличие двух и более возможностей развития событий ни к чему хорошему не приводят... Никогда.

Потому беру пять подсолненных булок, полностью проигнорировав полку со сладкой выпечкой.

— Хорошая шкурка, — радостно улыбнулась женщина, стоявшая за прилавком, разглядывая тушку убитого мною зайца. — Пять булок за неё — мало. Возьми ещё кваску, — она наклонилась и достала из-под прилавка литровую бутылку кисло-сладкого напитка.

Я была приятно удивлена — пожалуй, впервые за долгое время. Такой щедрости было не сыскать на всей территории юго-запада, а я посетила не одну деревню... Бажен сказал, что люди здесь потеряли голову от страха? Что ж, боязнь их собственного пастыря положительно влияет на местное население.

— Благодарю, — сухо сказала продавщице и быстро убрала бутылку в сумку.

Теперь можно и о ночлеге подумать... Вдохнув в последний раз запах хлеба у лотка с выпечкой, я резко развернулась и пошла в сторону спальных улиц.

Дамас был одним из наёмных стражников Десятки, осевших здесь несколько лет назад. Его дом располагался на самой близкой к воротам улице, среди жилищ таких же, как он, наёмников: неброский, но чистый, не новый, но целый — без трещин или прогнивших досок, этот дом был один из немногих, посещать которые для меня было не просто необходимостью, но и... потребностью.

— Рин, — высокий, широкоплечий мужчина сорока с небольшим лет (никогда не спрашивала точную дату его рождения), с чёрными волосами и такими же чёрными глазами, смотрел на меня, стоя в дверях своего дома.

На нём были штаны из грубой ткани и выцветшая майка, некогда бывшая такой же чёрной, как и волосы её хозяина; на ногах были простые вьетнамки, что вызвало у меня лёгкую улыбку... хотя, носи я тяжёлые ботинки по двадцать четыре часа в рабочую смену, я бы тоже предпочла для ног нечто свободное и не ограничивающее поступление воздуха к стопе.

Наверное, Дамас был красив. Я в этом мало понимала. Я знала только одно — он знает обо мне то, что позволяет ему точно так же, как и мне, пользоваться нашим знакомством.

— Дамас, — отозвалась я, решив не тратить время на приветствия, и молча зашла внутрь дома.